

Нартский эпос балкарцев и карачаевцев

Т. М. Хаджиева

НАРТЛА! МАЛКЪАР - КЪАРАЧАЙ НАРТ ЭПОС НАРТЫ! ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС БАЛКАРЦЕВ И КАРАЧАЕВЦЕВ

Боевой конь — постоянный спутник героя-нарта. Одним из художественных средств его описания также является гипербола. Конь героя, как и сам герой, обладает огромной силой и необыкновенными качествами. Гиперболизуется и скорость передвижения богатырских коней:

На земле ни один зверь не мог догнать [Гемуду],
На небе птица не могла обогнать его.
При описании же испытания Карашауаема коня Гемуды дается высокопоэтическая гиперболизованная картина бега и мощи богатырского коня: Карашауай и Гемуда

Доскакали до громадной горы,
[Гемуда] грудью [ее] ударил,
Громадную гору на две части расколос.
Голубые озера — следы его копыт,
От его дыхания вековые скалы рушились.
Одним прыжком [они] у Минги тау оказались,
Через него туда-сюда перепрыгнули.
Гипербола, используемая при описании поступков героев, их отношений с другими персонажами, влияния на окружающий мир, выступает как одно из главных изобразительных средств создания образа.

При создании образов нартских героев поэтическая гипербола используется для воспевания и идеализации, а при создании образов их врагов с помощью гиперболы показывается их нечеловеческая сила и величина, уродство и глупость — одним словом, изображаются все их низменные качества, т. е. чаще всего используется гипербола-гротеск.

Так, с помощью поэтического гротеска в балкаро-карачаевском нартском эпосе раскрываются все отрицательные черты врага, вызывается к нему отвращение и презрение. При описании эмегенов гипербола почти всегда статична. Гротескно изображаются прожорливость и сон эмегенов, их тяжеловесность, малоподвижность.

Необыкновенно огромные и сильные эмегены на первый взгляд кажутся непобедимыми благодаря своему физическому превосходству, и тем не менее они терпят поражение, что способствует еще большей поэтизации деяний героев.

Весьма характерно для балкаро-карачаевского нартского эпоса сочетание гиперболы и сравнения. Такая гипербола-сравнение в основном служит для изображения чего-нибудь необычного, величественного в облике героя или, наоборот, для гротескно-карикатурного изображения величины, уродства эмегенов.

Если в изображении нартов преобладает гипербола качества, то в обрисовке эмегенов в основном употребляется количественная гипербола. При этом она, как и гипербола-сравнение, чаще всего служит для характеристики величины, внешнего вида, т. е. опять статичных состояний персонажей.

Излюбленные эпические числа балкаро-карачаевского эпоса — три, семь, девять, сорок 127, шестьдесят, триста, семьсот. Они в большинстве случаев являются элементами гиперболических описаний (герой после трех дней и ночей боя непробудно спит столько же времени; семь дней и семь ночей льет ливень после смерти Рыжего Фука; эмегены живут семьсот лет и т. д.).

Другим наиболее употребительным средством художественного изображения в балкаро-карачаевском эпосе является эпитет.

По составу эпитеты делятся на простые (где одно определение: «жарыкъ суу» — «светлая вода»), сложные (с несколькими определениями: «эрши, сылыкь эмеген» — «некрасивый, безобразный эмеген»), развернутые эпитеты (несколько сочетаний с эпитетами, которые характеризуют разные детали или особенности персонажа, предмета, того или иного явления): «алтын жалкъалы, жез табанлы жылкъы» — «табун с золотыми гривами и медными копытами»; «жютю акъыллы, уста амалчы Сосурукъ» — «остроумный, хитроумный Сосурукъ»).

Эпитеты указывают на характерные типические признаки предметов (название цвета, указание на материал, существенный признак и т. д.).

В карачаево-балкарском языке в роли эпитета часто выступают определительные существительные: «алф Ёрюзмек», «батыр Ёрюзмек», «кузнец Дебет» и т. п.

В нартском эпосе балкарцев и карачаевцев помимо общекавказских эпитетов типа «нарт», «джигит», которые составляют часть имени всех эпических героев, как и у других тюркоязычных народов, широко используются особого рода «титулы-эпитеты»: «эр», «деу», «алп», «батыр» и т. п.

Наряду с постоянными эпитетами «нарт», «батыр», «тулпар», «деу» и т. д., которые показывают «общераспространенные представления об идеальном герое» [14, с. 20], имеются и индивидуальные эпитеты (чаще всего развернутые), которые применяются для определения черт, присущих только данному персонажу. Они обычно характеризуют боевые, нравственные, бытовые, физические и другие отличительные качества героев. Так, например, с именем Сосурука употребляются обычно такие индивидуальные эпитеты: «темир санлы» — «железотелый»; «состар ташдан туугъан» — «рожденный из гранитного камня»; «ташдан туугъан, нартланы кичи къарындашлары» — «рожденный из камня, младший брат нартов» и т. д.

Индивидуальные определения Карашауая — «ёхдем» — «гордый»; «эки деуден туугъан» — «рожденный от двух людей-великанов», «эмеген къыздан туугъан» — «рожденный дочерью эмегенши»; «Алауганны деу жашы» — «богатырский сын Алаугана». В эпизодах, где описывается, как Карашауай и его боевой конь Гемуда скрывают до поры до времени свой настоящий облик и предстают перед нартами в самом невзрачном виде, имя Карашауая сопровождает эпитет «зыккыл» — «оборванец».

С именем Алаугана в эпосе употребляются постоянные индивидуальные эпитеты «деу» — «великан», «богатырь» и «курганоподобный».

Ачемеца сына Ачея характеризуют эпитеты «жаш» — «юный»; «батырлыкъга туугъан» — «рожденный для геройства»; «субай санлы, кенг жауурунлу Ачемез» — «тонкостанный, широкоплечий Ачемез».

С именем главной героини нартского эпоса Сатанай связано много эпитетов: «бийче»; «ариу» — «красивая»; «къуртха» — «ведунья»; «билгич» — «вещая»; «хар затны билиучю Сатанай» — «всезнающая Сатанай»; «кёпню кёрген» — «много видевшая» и т. п. При описании ее красоты употребляются постоянные эпитеты «даммырлыкъ» — «удивительная, невиданная»; «кёз къаматхан, чыммакъ къоллу» — «ослепительно белорукая» и т. д.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что эпитеты могут выступать как поясняющие, оценочные и характеризующие.

Наделенные яркими эпитетами, нартские герои воспринимаются как живые и реальные личности. Некоторые постоянные эпитеты переходят от сказителя к сказителю и поражают своей стабильностью и живучестью. «Эпитет выражает отношение народа к окружающему его миру, выражает народное мнение, его суд и оценку», — писал В. Я. Пропп. Эпитеты нартских богатырей чаще всего выступают как идеализирующие, ибо все, «что певец в жизни любит и принимает», изображает «как превосходное, лучшее...» [143, с. 390].

При изображении же врагов нартов их характеризуют эпитетами, которые передают ненависть, пренебрежительное и ироническое отношение к ним. Об убийстве отца Ачемеца говорится: «огъур тюгю болмагъан, кюйсюз Къубу» — «лишенный человечности, злой Кубу»; враг нартов Фук — «рыжий», «краснобородый», «трусливый», «козлинобородый».

При описании же внешнего вида эмегенов употребляют специфические для данных образов определения: «трехглавый», «пятиглавый», «одноглазый», «плохой», «безобразный». Для подчеркивания их глупости применяют эпитет: «мангырау» — «глупый». За то, что эмегены едят все без разбору, нарты их называют «чийбыдыр» — «сырое брюхо», «толстопузый».

В балкаро-карачаевских нартских песнях и сказаниях, когда речь идет о богатырских конях, в основном акцентируются их боевые качества, но наряду с этим, хоть мельком, указывается и то, что конь красив.

Быстроту коня характеризуют эпитеты: «къушжетер ат» — «конь, догоняющий [при беге] орла»; «жел ат» — «конь-ветер» или «аягъы жерни тутмагъан ат» — «конь, [при беге] не касающийся копытом земли».

В эпосе кроме показа различных боевых качеств, красоты коня всегда дается ему определенная характеристика: происхождение, кличка, физические недостатки или особенности: «салпы къулакъ ат» — «конь с большими ушами, лопухий»; «жабагъылы тай» — «неказистый, облезлый жеребенок»; «чубур» — «куцехвостый»; «тарпан» — «морской конь» и т. д.

Эпитеты, обозначающие масть коней: «боз» — «серый», «акъ» — «белый», «тор» — «гнедой», встречающиеся в различных древнетюркских памятниках [154, с. 96], широко употребляются и в балкаро-карачаевском эпосе.

Некоторые эпитеты в нартских сказаниях характеризуют материал, из которого сделан предмет: «багъыр» — «медный», «темир» — «железный».

Мотив «железного тела» героя в эпосе балкарцев и карачаевцев, как и в других национальных версиях, связан с именем Сосурука. Железготелым у них является и Карашауай.

Эпитет «золотой», как и эпитет «железный», в балкаро-карачаевском нартском эпосе является средством эпической идеализации героев и выступает как украшающий эпитет.

В изобразительных средствах исследуемого нартского эпоса значительное место принадлежит сравнению. Источником поэтических сравнений служат реальные явления природы, космоса, образы из мира животных, птиц, растений. Самое же большое число приходится на сравнения этнобытового характера, связанные с народной жизнью и бытовыми предметами и орудиями производства.

Эти сравнения в основном бывают гиперболическими, они служат для показа необычного, величественного или, наоборот, для гротескно-карикатурного изображения и выполняют снижающую (отрицательную) сатирическую функцию.

Очень часты яркие сравнения с бытовыми предметами при описании силы эмегенов. При этом циклопическая сила и огромность эмегенов в балкаро-карачаевских нартских песнях и сказаниях характеризуются косвенно, через предметы и явления, которые имеют отношение к эмегенам (например, камень, который эмегены толкают во время своих игр, огромный, как стог сена).

С помощью простых сравнений, которые переплетаются с метафорическими, показывается необычность кузнеца Дебета.

Дебет ест камни, как хлеб; железо для него словно тесто; мечи, которые он делает, режут камень, как курдючное сало, и т. д.

Сравнения в балкарско-карачаевских нартских песнях и сказаниях бывают краткие (простые) и распространенные (сложные). Из них доминирующими, как и в эпосе других тюркоязычных народов, являются краткие сравнения (и объект сравнения, и образ сравнения — один).

Большинство сравнений образуется при помощи сравнительных послелогов «vmani», «кибик» — «похожий», «подобно», «как», «вроде», «словно» и аффиксов -ча и -лай/лей.

Часто встречаются сравнения, которые образуются при помощи аффикса -дан!-ден — он служит для обозначения превосходства признака или качества объекта сравнения над образом сравнения. Например, когда краснобородый Фук садится на своего коня, то «барады желден къаты» — «скачет быстрее, чем ветер».

В нартском эпосе балкарцев и карачаевцев широко используется антитеза. Она является сюжетообразующим, композиционным и стилистическим приемом. Как мы уже говорили, сюжет некоторых песен строится на столкновении и борьбе нартских героев с многоголовыми одноглазыми эмегенами. И можно сказать, что в их основе «почти всегда лежит антитеза активного героизма эпических персонажей и пассивного могущества великанов» [55, с. 19].

В нартских песнях и сказаниях герои предстают богатырями, обладающими большой физической силой, но рядом с огромными эмегенами они ничтожно малы. Эмегенам присуща огромная циклопическая мощь, но они страшно глупы и неразумны. Силе, коварству эмегенов противопоставляются ум, находчивость нартских героев.

Особенно наглядно это представлено в песне «Сосурук и эмеген», где основные функции Сосурука — добывание огня и уничтожение эмегена — строятся на антитезе: хитрость и находчивость Сосурука — сила, глупость и коварство эмегена. Здесь контраст используется для воспевания и идеализации героя.

Нартские герои противопоставляются не только эмегенам и другим врагам, но и друг другу. В этом случае антитеза используется для выделения героя среди других нартов, показа его богатырской силы, мощи и т. д. Например, в цикле о Карашауае антитеза служит для более яркого показа превращения невзрачного оборванца Карашауая в могучего нартского богатыря, а его паршивого жеребенка Гемуды — в чудесного боевого коня.

В некоторых песнях и сказаниях антитеза используется для воспевания величия, значимости подвига героя.

Антитеза иногда употребляется и в традиционных формулах; например, когда встречаются противники, то на приветствие одного из них: «Эй, кюнюнг ахшыболсун!» («Да будет твой день добрым!») — другой отвечает всегда: «Ой, кюнюнг аман болсун!» («Чтоб день твой был недобрым!»).

Антитеза лежит в основе сюжета многих нартских песен и сказаний и реализуется в столкновении «добра» и «зла», «тьмы» и «света». В основном она служит воспеванию и идеализации героя и вместе с другими художественными средствами играет важную роль в создании поэтического единства нартских песен и сказаний.

Как и у всех других носителей Нартиады, сказания балкарцев и карачаевцев по форме бывают прозаическими, стихотворными и смешанными. Поэтому они и исполняются по-разному: прозаические тексты (нарт тауурухла, нарт хапарла) сказываются, стихотворные (нарт жырла) — декламируются или поются.

Карачаево-балкарский язык входит в число агглютинативных языков, и поэтому стихосложение балкарцев и карачаевцев относится к силлабической системе стихосложения.

Для нартских песен характерны два типа стиха: короткий — семи-восьмисложный и длинный — от одиннадцати до четырнадцати слогов, а иногда и шестнадцатисложный (превалирует одиннадцати-двенадцатисложный стих).

На древность некоторых песен указывает и семисложный стих с трехсложной клаузулой, который является одной из архаических форм тюркского стихосложения:

Нартда барды беш батыр, — 2 + 2 + 3

Бара, жорта кетдиле, — 2 + 2 + 3

Узакълагъа жетдиле, — 4 + 3

От жарыкъла кёрдюле. — 1 + 3 + 3

Цезуры в эпическом стихе располагаются в зависимости от количества слогов в песенной строке. Постоянное место они имеют обычно в односложных стихах.

Нартские песни имеют стюфическое (преобладают двустихные строфы) и тирадное строение (до десяти и более стихов).

В ритмической организации нартских песен большую роль играют рифмы, аллитерации, ассонансы, эпифоры, рефрены и т. д.

В эпическом стихе рифма в основном грамматическая. Она, как и у других тюркских народов, обусловлена ритмико-синтаксическим параллелизмом [28]. В основном используется глагольная и глагольно-именная рифма.

По месту расположения рифма в песнях не только конечная, встречаются и начальные и срединные рифмы.

Особую ритмичность и музыкальность эпическому стиху придают составные рифмы и реди́ф:

Жерде жаныууар жеталмагъанды аны

Кёкде кьанатлы озалмагъанды аны

...

Ёрюзмек дегенинг а ёзден эди, дейди.

В метрической организации эпического стиха немаловажную роль играет и аллитерация, которая является одним из «отличительных признаков древнетюркского народного стиха, в частности эпического» [68, с. 46].

В песнях широко представлена как междусловная, так и междустиховая (строфическая) аллитерация. Она бывает полная или неполная, смежная, перекрестная, опоясывающая и т. д. Междусловная и междустиховая аллитерация встречается в более архаических песнях:

Сказитель Дауут Малкондуев

Сказитель Алий Эттеев

Сказитель Хамзат Биттиров и исследователь и собиратель нартского эпоса балкарцев и карачаевцев А. З. Холаев.

Сказитель Абугали Узденов

Сказитель Гитче Текаев

Жерден ала жарыкъларын тыядыла,

Жылап ала жулдузланы жыядыла.

Жерге ала бийик кёкден къарайдыла.

У балкарцев и карачаевцев нартские песни называются «нарт жырла», а исполнители нартских песен — «нарт жырчы» или просто «жырчы» («певец») .

Первые сведения о балкарских певцах в дореволюционных публикациях принадлежат перу П. Острякова: «Со званием певца, — пишет он, — соединялась идея справедливости, и певцом мог быть только безукоризненно честный человек. Я имел возможность встретить такого певца. Старик со смуглым открытым лицом, одет весьма бедно; но нужно видеть, с каким почтением относятся к нему окружающие, чуть не боготворят его. Князя У- [рус]-Б- [ие]вы доставили мне случай. Нужно было видеть и их, образованных, объехавших чуть не всю Европу, с каким уважением и почтением относились они к старцу» [129, с. 701].

И в наше время народные певцы пользуются всеобщим уважением. Имена талантливых исполнителей нартских песен и сказаний, таких, как Дауут Малкондуев, Алий Эттеев, Хамзат Биттиров, Амий Башиев, Абугали Узденов, Магомет Алботов, Хамзат Узденов, Мухаммат Махараев, Гитче Текаев, Жашыу Айтеков, Каншаубий Гажонов, Шамшюдин Бегиев, Ахмат Аппаев, Каит Жабелов, Каншаубий Журтубаев, Абдулла Гергоков, Хамид Тогузаев, широко известны в Балкарии и Карачае.

В дореволюционных публикациях нартского эпоса балкарцев и карачаевцев мы находим сведения и о манере исполнения нартских песен и сказаний. Отметив, что у балкарцев «поэма (о нартах.— Т. Х.) разделена на песни» и «каждая песня исполняется на совершенно особый мотив», П. Остряков пишет, что жырчы пел эти песни «под звуки дудки и зурны, а то и просто под мерные удары палочек» [129, с. 701—702].

Более подробное описание форм музицирования и анализ песенно-сказовых повествований балкарцев и карачаевцев даны в работе С. И. Танеева (об этом подробнее в статье А. И. Рахаева в настоящем издании).

Ценными нам представляются и наблюдения Н. М. Дрягина о характере исполнения нартских произведений: «Строго и свято соблюдается „размер по-длинника“ : старший из рассказывателей молча следит за отдельными выражениями, даже словами, коими передают сказания его более младшие собратья» [63, с. 20].

Сказитель Каншаубий Гажонов

Сказитель Жашыу Айтеков

Что же касается собирательской работы, то благодаря Исмаилу Урусбиеву, его сыновьям Сафар-Али и Нарузу и передовым, прогрессивным представителям русской интеллигенции — П. Острякову, М. М. Ковалевскому, И. И. Иванову, С. И. Танееву, Н. П. Тульчинскому, А. Н. Дьячкову-Гарасову, Е. З. Баранову и др.— до нас дошли многие прекрасные образцы устно-поэтического творчества балкарцев и карачаевцев, в том числе и их нартские песни и сказания.

Если в дооктябрьский период сбор и публикация фольклорного материала были делом только одиночек-энтузиастов, то в советское время этим стали заниматься сотрудники КБНИИФЭ.

Как мы отметили выше, записи балкаро-карачаевского нартского эпоса, сделанные в первой половине XX в., практически не сохранились.

В 1959 г. в КБНИИ состоялась научная сессия, посвященная проблеме периодизации, отбора и публикации адыгского и балкаро-карачаевского фольклора. Начиная с этой сессии, проведение ежегодных фольклорных экспедиций по сбору адыгского и балкаро-карачаевского фольклора в КБНИИ стало традиционным.

Особое место среди собирателей балкаро-карачаевских эпических текстов принадлежит Народному поэту КБР Сагиду Османовичу Ш ахмурзаеву (1886—1976) и поэту Саиду Аубекировичу Отарову (1903—1975), которым мы обязаны записями многих нартских песен и сказаний, составивших настоящее издание.

Большую работу в деле собирания нартского эпоса проделал и фольклорист А. З. Холаев. На протяжении многих лет он возглавлял фольклорноэтнографические экспедиции КБНИИ по Балкарии и Карачаю, в ходе которых вместе с научными сотрудниками С. Б. Настаевым, Х. И. Суюнчевым, А. М. Теппеевым им было записано значительное количество нартских песен и сказаний.

На современном этапе сбором балкаро-карачаевского фольклора, и в частности нартского эпоса, успешно занимаются в Балкарии научные сотрудники КБНИИФЭ Х. Х. Малкондуев, А. И. Рахаев, М. Ч. Журтубаев и учитель Д. М. Таумурзаев, а в Карачае — Р. А.-К. Ортабаева.

Собиратель эпоса Народный поэт КБР С. О. Шахмурзаев

Собиратель эпоса С. А. Отаров

Выдающийся памятник коллективного творчества — «Нарты», воплотивший в своих лучших образах представления народа об идеальном герое — защитнике родной земли, во все эпохи имел огромное воспитательное значение. Не случайно уже в одной из первых публикаций балкаро-карачаевских текстов отмечалось, что «название „нарт“ в устах народа стало нарицательным и употребляется как синоним „удалого, доброго молодца“» [164, с. II].

В народном сознании до наших дней сохранилось представление о нартах как о реально существовавших людях. Так, в Балкарии и Карачае названия многих мест связывают с их именами 129. Еще до недавнего времени у этих мест совершали различные общественные обряды. Например, в Чегемском ущелье есть большой длинный камень, который называют Нарт таш (Камень нартов). Жители ущелья приносили к этому камню новорожденных детей, резали жертвенных баранов и устраивали там угощение. Нарт таш обливали водой, а воду, стекавшую с камня, собирали и в ней купали ребенка.

Если новорожденный был мальчиком, при этом произносили такой алгыш — благопожелание:

Будь таким же кузнецом [умелым], как Дебет,
Будь таким же мужественным, как Шауай,
Как Сосурук, будь светочем 130 [для людей],
Чтобы тебя любил и почитал твой народ.
А если это была девочка, говорили:

Будь такой же луноподобной, как Сатанай,
Будь такой же мудрой,
Пусть всегда будет изобилие в твоём доме и ауле
[105, с. 2121.

В сознании людей с нартами ассоциируется не только понятие о воинской доблести. С их именами связываются и определенные категории духовной культуры. Показательно, что такие образцы народной мудрости, как пословицы, поговорки, афоризмы, у балкарцев и карачаевцев называются «нарт сёзле» — «нартские изречения».

В современном карачаево-балкарском языке слово «нарт» имеет не только значение «нарт», «герой», «богатырь», но и «старый», «древний». Пожилые балкарцы и карачаевцы царство мертвых называют «нарт дуния» — «мир нартов». По их представлениям, нарты, которые при своей жизни помогали людям и охраняли мир и покой на земле, даже из «мира нартов» стараются помочь роду человеческому: «они смотрят на нас из мира мертвых, и, когда нас ожидает какое-нибудь несчастье», их «священные души... обратившись в орлов, воронов, в образы разных зверей», врываются с громким криком в ночные аулы и «оповещают людей о предстоящей беде», — говорится в сказании «Нарт кьопхан» («Воскресение нартов»).